

Перехватило дыхание, и — слезы в глаза... И пусть представляли мы, родившиеся здесь, в бывшей Пруссии, сжигаемую фашистами хату в виде домика в серой штукатурке под крышей из красной черепицы, да и в безбедном, веселом детстве еще не знали утрат, а так защемило внутри и так жалко стало солдата, как будто живую видели и тоненькую дорожку слезы на его запыленном лице, и блеск медали за Будапешт, который был где-то далеко-далеко, и представлялось, как из этого далека долго-долго шел человек в выгоревшей гимнастерке и пилотке со звездочкой и уже радовался, что подходит к дому, — а идти-то, оказалось, и не к кому... Это было, наверное, одно из первых потрясений детских лет.

С «Домом у дороги» мы познакомились много позже, каждый в свое время. И эпизод, увековеченный в песне, развернулся в картину народной трагедии, оставившей столько ран на теле страны и в людских душах. А с тем пришло понимание, что раны эти не зажили по сию пору.

«Родина и чужбина»

Многие очерки, включенные Твардовским в книгу «Родина и чужбина», публиковались во фронтовых и центральных газетах в годы Великой Отечественной войны. В 1947 г. книга полностью была напечатана в журнале «Знамя» (№ 11, 12). И тут же подверглась разностной критике. «Фальшивая проза» — под таким заголовком-«приговором» была опубликована одна из критических статей в «Литературной газете». Однако вынесенный в заголовок «эпитет» прямо противоположен сути творческих принципов Твардовского. Этим принципам в полной мере соответствуют очерки, созданные на основе дневниковых записей и содержащие «правдивые штрихи жизни живой, не подставной и не обчесанной под требования» (А. Т.). Они впечатляют ненадрывной силой чувства, емкостью лаконичных характеристик. «Память первого дня», «Из утраченных записей», «Надя Кутаева», «Дети и война», «Супчику хочется», другие очерки — все это зарисовки эпизодов, из которых складывается многомерная картина жизни человека на долгой войне: драма человеческих судеб, военный быт, душевные переживания, память, надежды... (Отдельным изданием «Родина и чужбина» вышла только в 1959 г.

Многие очерки, помещенные в журнальной публикации без названия, как главы под порядковыми номерами, обрели заголовки.)

Мы остановимся только на нескольких произведениях этого цикла — тех, где речь идет о Восточной Пруссии.

Первый из очерков, в котором упоминаются ближние к Восточной Пруссии края, называется «По литовской земле»: «А наши, русские девки и бабы с детишками и подростками, — орловские, брянские, смоленские — бредут, бредут оттуда, из-за Немана, по этим проселкам, где войной и не натоптано как следует. <...> Бредут к обгорелым трубам, к пепелищам, к незажитому горю, которого многие из них еще целиком и не представляют себе, какое оно там ждет их». (А. Т.). (Этот фрагмент очерка почти дословно соответствует записи в рабочей тетради от 10 августа 1944 г.) Людские потоки двигались на восток из освобожденных от фашистов районов Литвы, откуда до Восточной Пруссии было «рукой подать».

В очерке «С дороги» говорится о событии, происшедшем незадолго до начала Восточно-Прусской операции, 12 сентября, на реке Шешупе (приток Немана), по которой проходила граница между входившей в состав СССР Литвой (тогда Литовской ССР) и Германией. Автор должен был выезжать в Смоленск, на годовщину освобождения от немецко-фашистских захватчиков, и собирался в дорогу «на подворье одной прифронтовой литовской усадьбы, откуда можно еще было отчетливо слышать артиллерийскую пальбу», но которая уже была тылом, пройденным войной и оставленным без разрушений. «В сводке Информбюро в этот день говорилось, что на участке нашего

фронта поиски разведчиков и артиллерийская перестрелка. А одна из страниц фронтовой газеты рассказывала о наших автоматчиках, окопавшихся на том берегу Шешупы, на немецкой земле» (А. Т.). «...Мысль об этих людях долго не покидала нас в дороге», — пишет Твардовский. «Темная, по-осеннему тяжелая» вода Немана, вдоль которого пролегало шоссе, «не давала забыть о такой же по-осеннему неприветливой воде Шешупы, которую на днях перешли наши ребята по зыбким, глубоко затопленным доскам маленькой переправы». Один из них воевал уже три с половиной года, отступая на восток по своей земле, потом отвоевывая ее у врага. Необычайно символично это «как будто и небольшое в масштабах фронта событие» — «выход горстки наших за границу родной державы»: «...он, воин-освободитель, наконец-то там, за Шешупой, на чужой, немецкой земле, на земле, откуда пришли *они*, которая взрастила их поколение, причинившее людям столько горя». Впервые очерк, без названия, был опубликован в книге «Смоленский альманах» (1947, кн. 2), а основой для него послужили записи в рабочей тетради от 17 сентября 1944 г. (Смоленск) и 26 сентября (Каунас).

В маленьком, в полторы странички, очерке «В глубине Литвы» восточнопрусская граница только упоминается: «Война так велика, если взять хоть по одной линии, от столицы до восточнопрусской границы, так велика от одного своего края до другого, от одного края до середины и от середины до другого края, так много уже вобрала в себя погоды, природы, времен года и стольким-стольким не дала дойти до середины своей, что мы, живые, вряд ли еще сознаем, как бесповоротно мы постарели от нее, как много ушло жизни,

втоптано в эти годы». В емкой фразе, обозначившей, что есть (или была) война лично для автора и миллионов его соотечественников, эта граница — преодоленный рубеж. Главное — то, что о многом «уже нельзя начать речь, не сказав вслух или мысленно: это было, когда война еще шла на нашей земле» (А.Т.). Очерк создан на основе записей, сделанных в рабочей тетради 20 ноября 1944 г., во время поездки в Москву, и записей, внесенных уже в другую тетрадь 10 января 1945 г. в Каунасском уезде. «Живем мы в русской деревушке вблизи железнодорожной станции, на путях которой стоит наш поезд, — пишет Твардовский в очерке. — Русский народ, деревня, говорящая чисто по-русски, быт и природа, удивительно похожие на наши, — и все это за тридевять земель от большой России, в глубине Литвы». К концу октября 1944 г., в результате Гумбинненской наступательной операции, был взят Шталлупёнен (Нестеров), но дальнейшее продвижение советских войск было остановлено.

Редакция «Красноармейской правды» даже в начале января 1945 г. располагалась еще под Каунасом, в уже упомянутой нами в главе о «Теркине» деревушке Рудмяны (лит. Рудменай, ныне населенного пункта с таким названием нет), что была неподалеку от села Ужусаляй (ранее Ужушоле, в 1940-е Зосули), в котором с XVIII в. живут староверы и которое с 1843 г. называлось Александровкой, а с 1887, вплоть до 20-х годов XX в. — Александровской Слободой, — здесь и сейчас стоит храм во имя Святого благоверного князя Александра Невского, воздвигнутый в 1866 г. (некогда село было центром Александровской волости Ковенского уезда, теперь это административный центр старостата Ужусаляй Йонавского района Каунасского уезда).

Очерк «За рекой Шешупой» под тем же названием впервые печатался в «Смоленском альманахе» (кн. 2, 1947), тогда его объем и композиция были иными, нежели в окончательном варианте, состоящем из трех частей. Начальная, до слов: «Колонна приняла вправо...», перенесена автором из ранее опубликованного очерка «Из записной книжки» («Красноармейская правда», 1945, 1 января). Ширвиндт, первый город Восточной Пруссии, взятый советскими войсками (17 октября 1944), располагался на пограничной реке Шешупе, форсированной войсками 3-го Белорусского фронта 16 октября 1944 г. С сентября 1939 г. в нем размещался лагерь для военнопленных («Офлаг-60»), в котором умерло 4 тысячи человек. После Второй мировой войны в Ширвиндте остались целыми лишь два дома. С 1947 г. это пос. Кутузово Краснознаменского района Калининградской области (в соответствии с совр. административно-территориальным делением относится к Добровольскому сельскому поселению Краснознаменского муниципального района).

(В некоторых изданиях, в примечаниях к очерку, в частности, в 4-м томе Собрания сочинений А. Т. Твардовского в 6 томах, указывается, что Ширвиндт — это Кудиркос-Науместис. Однако это не так. Город Кудиркос-Науместис Шакаяйского района Марямпольского уезда Литвы расположен неподалеку от бывшего Ширвиндта, на противоположном берегу пограничной реки Шервинты /Ширвинта, нем. Ширвиндт/, у места ее впадения в Шешупе /Шяшупе/. Прежние его названия — Владиславов (1639–1918), Нейштадт-Ширвиндт (1808), Науместис (до 1934). Кудиркос-Науместис освобожден в ходе Гумбинненской наступат-

тельной операции войсками 3-го Белорусского фронта 16 октября 1944 г.)

Вторая часть очерка (от слов «Колонна приняла вправо...» до слов «...когда не было уже в живых Смоленска как города, Вязьмы и сотен других городов») представляет собой переработанный фрагмент очерка «Гори, Германия!» («Красноармейская правда», 1945, 25 января), в котором изображаются апокалиптические картины пылающего Инстербурга. Взятый штурмом город горел из-за жарких боев и из-за того, что, уходя, его обстреливали уже сами гитлеровцы. Охвативший его пожар воспринимался как возмездие за сотни погибших городов России и Европы. В процессе работы Твардовский, как мы уже отмечали, снял и прежний заголовок, и рефрен «Гори, Германия!», и наименование Инстербург. В новом варианте, без конкретного наименования, образ горящего вражеского города обрел обобщенный, символический смысл.

В третьей, заключительной части очерка «За рекой Шешупой» речь идет о дорогах чужой земли: «На многих деревьях вдоль дорог Восточной Пруссии до сих пор держится листва. Сухой, шуршащий трепет ее на зимнем, выюжном ветру провожал немцев, отступавших в глубь страны. Затем началась ростепель, и эта листва придорожных аллей, мокрая, распаренная, совсем уже не вязалась с весенними приметам — обтаявшей землей, взбухшим и уже треснувшим кое-где льдом на речках. Похоже, будто перепуталось что-то на этой земле, произошло не так, не в свои сроки и не само собой, а по иной, грозной и неотвратимой воле. Точно совершилась над этой землей предреченная ей и заслуженная страшная кара».

Путаница в природе — словно «внешнее сопутствие той поистине страшной кары». Кары немцам за то время, когда они «в войне только приобретали», — за захват территорий целых государств, присвоение массы имущества и ценностей, вывоз в неволю миллионов людей из оккупированных стран. «Но с того дня, как они перешли нашу границу, они уже не могли приобретать не теряя». К потерям танков, самолетов, солдат и офицеров прибавились потери сначала захваченных чужих земель, затем и своих собственных, потери своего имущества вкупе с награбленным, потери «рабов»... «И наш воин, встречая по пути своего продвижения разноязыкий люд, бредущий из плена домой... — подчеркивает автор, — натурально видит себя воином-освободителем». Для одних дороги Восточной Пруссии — дороги к победе, для других — дороги домой...

Записи о поездке в Инстербург, которые Твардовский внес в рабочую тетрадь в Литве, в деревне Чиста-Буда (в 1913 г.— центр гмины Антонова, ныне относится к Саснавскому старостату Марьямпольского самоуправления Марьямпольского уезда), 25 января 1945 г., стали основой для очерка «В самой Германии» (впервые, без названия, опубликован в журнале «Знамя», 1947, № 12). Из пяти частей очерка три (первая, вторая и четвертая) связаны с той первой поездкой в Инстербург напрямую, одна (третья) — опосредованно и еще одна (пятая) имеет отношение к двухнедельному апрельскому пребыванию автора в этом городе вместе с редакцией «Красноармейки» (записи от 20 апреля 1945).

«Глубокая Германия» с ее полями и вешками у дорог (здесь это поля и дороги в окрестностях

Инстербурга, находившегося почти на середине пути от границы до еще не взятого Кенигсберга), о которой и год, и два, и даже три назад думалось как о недостижимой территории врага, оказалась на деле так похожей на все виденное ранее и под Москвой, и в воронежской степи, и в Финляндии. «Но тот сон о возмездии, явись он тогда, был бы слаще того, что видишь теперь в натуре, — замечает вдруг автор в первой части. — “Ломать — не строить”, — все чаще вспоминаются эти невыразимо вместительные слова солдата-дорожника». И в этих словах, слышанных еще в Ширвиндте, было как будто уже больше того, «чего никак отдельно не выразишь».

Вторая часть — зарисовка «в горящем, шипящем и осыпаемом с неба снегом с дождем городе без единой души жителей» (бургомистр Инстербурга доктор Вандер действительно эвакуировал, на свой страх и риск, вопреки приказу гауляйтера Коха, мирных жителей перед самым приходом советских войск), эпизод с хмельным солдатиком в пустом ресторане.

Третья — «одно воспоминание от Погорелого Городища», о погорельцах у костра (то, о чем первом подумалось военкору Твардовскому в горящем после штурма Инстербурге).

Четвертая — о первой немке-жительнице, увиденной автором в Германии (точнее, в Инстербурге), — не то больной, не то обезумевшей...

Пятая — о неожиданно пришедшем там же, в Инстербурге, воспоминании, как в юности ходил в Пересну за книжками (с чего мы и начали наше повествование).

Имя города и в этом очерке не называется — автору и в данном случае не нужна конкретизация: судьба

Инстербурга и присущие ему черты позволили автору увидеть в нем и символ возмездия за развязанную Германией войну, и образ «самой Германии».

Очерк «Солдатская память» — портрет русского воина (впервые, под тем же названием, в газете «Красноармейская правда», 1944, 26 декабря). Главный герой, Алексей Федорович Богданов, в июле 41-го года «оставил должность бухгалтера приискового продснаба в Сибири» и от русского городка Демидова, где подбили его первую пушку, дошел до земель Восточной Пруссии. Свой боевой путь он помнил «досконально, число за числом»: «Может быть, дело здесь отчасти в навыках его довоенной профессии, которая любит точность и аккуратность. А вернее всего сказать — не так легко забыть то, что отмечено особыми боевыми метами в жизни человека». Ему около сорока, он «из тех русских крестьянских самородков, что обладают большим упорством, любознательностью и неуклонным стремлением к овладению какой-либо специальностью, делом, требующим настойчивости и терпения». Награды (три ордена и медаль) и раны для него — «зарубки памяти» на трудных солдатских дорогах. «С четвертой пушкой Богданов перешел речку Шешупу, что отделяла Восточную Пруссию от нашей страны». Под Вилюпеном был контужен, но скоро вернулся в строй. Он «никак сейчас не похож на бухгалтера»: «Такое лицо может быть и у колхозников, и у наркома, и у генерала, и у солдата». Очерк-портрет воссоздает и индивидуальную судьбу конкретного человека — «русского крестьянина, человека интеллигентного труда, семьянина и воина», и обобщенный образ защитника родной земли, преодолевшего неуспех, научившегося побеждать и благодаря этому

воюющего уже на земле противника. Война не иссушила его душу, не сделала «плоским» и однозначным его внутренний мир — автор оставляет своего героя в минуту отдыха: «...на лице его выражение скромной задумчивости, какая бывает на лицах людей, которым не скучно наедине со своими воспоминаниями».

Ну а теперь несколько слов о восточнопрусском населенном пункте, упомянутом в очерке. В наименовании «Вилюпен» допущена опечатка: в Восточной Пруссии такого населенного пункта не существовало, но были два селения со сходными наименованиями — Вилюнен (Виллюнен) и Вильпен. Первый из них значится в сводках Информбюро как укрепленный пункт противника, за который шли жестокие бои, он был взят 18 октября 1944 г. 192-й Оршанско-Хинганской Краснознамённой стрелковой дивизией. Вилюнен располагался западнее Ширвиндта, в округе Шлосберг (центр округа, г. Шлосберг, до 1938 носил название Пилькаллен, после войны сначала был переименован в г. Красноармейск, а с 1947 — в пос. Добровольск), ныне это территория Добровольского сельского поселения Краснознаменского района близ озера Бородинское (ранее Виллюнер-зее) и кургана Измайлово, само селение не сохранилось.

В очерке «Грюнвальдское преступление» повествуется о трагическом событии, происшедшем в той части Восточной Пруссии, которая ныне принадлежит Польше.

2 февраля 1945 г. войсками 3-го Белорусского фронта был взят Ландсберг (Гурово-Илавецке). В близком к линии фронта тылу, в нескольких километрах к югу от Ландсберга, в деревушке Грюнвальде (Зеленица), был размещен медсанбат одной из дивизий.

К этой деревушке прорвалась группировка фашистов в составе десяти самоходных орудий с десантом автоматчиков. Они жестоко расправились с ранеными бойцами и пытавшимся их защитить медперсоналом. Укрывшихся в подвале фашисты отравили душающим газом из выхлопной трубы самоходки — этот метод умерщвления в годы войны широко применялся не только карательными вражескими подразделениями. 9 февраля на месте трагедии побывал А. Т. Твардовский, который в течение двух недель по заданию редакции совершал поездки в расположение 5-й и 31-й армий. Вернувшись в Инстербург, где тогда располагалась редакция, он внес записи в рабочую тетрадь (20 февраля 1945 г.). Очерк был опубликован в «Красноармейской правде» 24 февраля, а затем напечатан в «Красной звезде». Автор не мог тогда, по понятным причинам, указать в газете номера частей и соединений наших войск, он назвал только фамилии нескольких врачей и водителя, погибших в неравном бою: командир медсанбата, майор медицинской службы Ковыршин, майор медицинской службы Арнольди, начальник штаба медсанбата, старший лейтенант Квочкин, красноармеец Присич. Но документы тех лет, ныне доступные, помогли установить, что в Грюнвальде размещался 288-й отдельный медико-санитарный батальон 88-й стрелковой дивизии 31-й армии. Майоры медицинской службы Алексей Яковлевич Ковыршин, Дмитрий Дмитриевич Арнольди, Александр Андреевич Сытников, старший лейтенант Пантелей Пантелеймонович Квочкин, санитары Никандр Александрович Крюков, Любовь Михайловна Кондакова, Тамара Алексеевна Александрова, Александра Васильевна Короткова, шофер Андрей Степанович Присич были похоронены

на воинском мемориале в г. Каунасе, шофер Сергей Савельевич Сандрыкин, санитар Василий Яковлевич Морозов — в округе Хайльсберг, в 200 метрах к северо-востоку от окраины деревни Грюнвальде. (В некоторых изданиях и документах конечная «е» в прежнем наименовании деревни «потеряна»: это немецкое название созвучно современному наименованию другого населенного пункта в Польше, связанного с исторической Грюнвальдской битвой. Однако Грюнвальд, возле которого в 1410 г. соединенными силами русских, литовцев и поляков было подорвано могущество Тевтонского, или Немецкого, ордена, не Грюнвальде. Его прежнее немецкое название — Грюнфельде, литовское — Жальгирис, и находится оно западнее Ольштына и южнее Оструды.) После описанных событий, кроме упомянутого Твардовским И. С. Герасимова, в живых остались две медсестры: А. И. Кузьмина и Н. М. Соловьева. Памяти врачей — героев Грюнвальде — посвящена серия статей в газете Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова «Военный врач» (1963, 23 февраля, 1 апреля, 1 мая) и в газете «Красная звезда» (1965, 16 марта); в Военно-медицинском музее при ВМА трагедия Грюнвальде подробно освещена (Р. М. Романова).

С женщиной, ставшей прообразом героини очерка «Настасья Яковлевна» (впервые опубликован в «Красноармейской правде», 1945, 2 марта), Твардовский встретился на Кенигсбергском шоссе. Очерк по содержанию отчасти близок поэме «Дом у дороги»: главные героини этих произведений, угнанные для рабского труда на чужбину, попадают в Восточную Пруссию, обеим помогает выстоять в труднейших обстоятельствах забота о детях. Настасья Яковлевна Маслова —

простая, малограмотная женщина из орловской деревни Коренево, «немолодая и не очень крепкая здоровьем», — могла бы в лагере умереть, если бы не ее стремление уберечь от беды дочь: в этом она видела смысл своей жизни. Потом она батрачила в поместье вблизи Прейсиш-Эйлау (ныне г. Багратионовск) (название поместья не указывается — да в этом и не было надобности, — но мы можем предположить, что это могло быть в Ауклаппене, или Ротенене, или Грюнхёфхене, находившихся неподалеку от города). Несмотря на муки и унижения, сохранила она и свою добрую душу.

Очерк «Салют» написан буквально в день события и тут же сдан в номер («Красноармейская правда», 1945, 30 марта), очерк «У моря» подготовлен ему вслед («Красноармейская правда», 1945, 3 апреля; «Известия», 1945, 18 апреля). Оба — о событиях, связанных с ликвидацией хайльсбергской группировки гитлеровцев. Кроме названия небольшого мыса на побережье залива, здесь никакой географии не обозначено: «Правее маленького городка с гаванью, которая была последней для немцев, припертых к воде, встретили мы на мысе Кальхольцер-Хакен троих наших бойцов, только что вышедших из боя, потому что уже не с кем было воевать на этом участке». Но известно, что этот городок — Хайлигенбайль, взятый Красной Армией 25 марта 1945 г. Прибежищем гитлеровцев из хайльсбергской группировки на берегу залива Фришес-хаф оставался мыс Кальхольцер-Хакен (теперь это мыс Северный на полуострове Бальга в Калининградском заливе), но удержаться им не удалось: в результате боев, которые шли здесь 27–29 марта, они были сброшены в море либо взяты в плен.

В этих двух очерках — и пафос этого победного торжества, «и явственное предвестие другого праздника, который будет самым большим и радостным за эти бессмертные годы, праздника полной и окончательной Победы». И — лиризм, навеянный «присутствием» моря, берег которого «всегда кажется краем света», березкой на взгорке над поросшим камышом мелководьем...

10 апреля поэт побывал в Кенигсберге. Очерк о первом дне в городе-крепости, представляющей даже в «полуразмолотом виде» «настолько внушительно, что это несравнимо со всеми другими, уже пройденными городами Восточной Пруссии», под названием «Кенигсбергское утро» появился в газете «Красноармейская правда» 11 апреля. Его окончательный вариант печатался уже под заголовком «Кенигсберг».

В последней декаде марта — первой декаде апреля было столько поездок и переездов, что Твардовский не успевал вести записи. Только 11 апреля, опять в Инстербурге, он «сел за первый стол после длительного перерыва». За «порядочный срок», как он сообщает жене, «ничего не сделал, кроме самой газетной малости». «Но за этот период, — пишет он далее, — была поездка, которая мне даже снилась, настолько потрясла мой привычный уже ко многим впечатлениям аппарат восприятия... Это... поездка во взятый накануне ночью Кенигсберг». Он не удовлетворен очерками, которые дал в газету: «Я уже твердо решил сделать по Кенигсбергу и <по> Кальхольцер-Хакену... в своей тетрадке то необходимое, чего ни в коей мере не удастся сделать в насыщенной корреспонденции». И это он сделал в «Родине и чужбине». (Расположены в книге эти три очерка в ином порядке,

нежели в нашем обзоре: «Кенигсберг», «У моря», «Салют».)

Завершает книгу «Утро праздника». Очерк не о Победе — до нее оставалось еще несколько дней, — о первомайском празднике, проведенном вдали от Родины, в маленьком восточнопрусском городке, который «запомнится на всю жизнь». Этим городком был Тапиау (Гвардейск).

За книгу «Родина и чужбина» критика предъявила автору обвинение в политической отсталости, в «ущербном представлении о сущности советского патриотизма».

Валентина Александровна Твардовская вспоминала: «Наиболее тяжелый период наступил после войны, на рубеже 40–50-х, когда стихов отец почти не писал. И длилось это не месяц, не год, а несколько лет кряду. Мучительное разрушение прежней веры отвращало от стихов. У отца даже возникали мысли о самоубийстве. Об этом не знают ни читатели, ни почитатели его таланта, ни земляки поэта. Послевоенная жизнь народа-победителя, которую он видел на родной Смоленщине и во Владимирской области, где был депутатом, оказалась совсем не такой, какой представлялась на войне. Жизнь эту для него олицетворяла тетка Дарья

С ее терпеньем безнадежным,
С ее избою без сеней
И с трудоднем пустопорожним
И с трудоночью — не по ней.

То, о чем отец хотел сказать в полный голос, было невозможно. Он говорил, что душа наедине с собою

не могла переступить этот страх перед страшными выводами».

В начале 1950 г., после уговоров Фадеева, Твардовский возглавил журнал «Новый мир», заменив на редакторском посту Константина Симонова, который переходил в «Литературную газету». «Твардовский увлекся работой в журнале сразу, — вспоминала сотрудница редакции Софья Караганова. — Во время первого своего выступления на редколлегии (присутствовала вся редакция) он очень волновался, от этого казался особенно красивым и молодым. Говорил приподнято, даже немного (по тем временам) старомодно. Слова забылись, но ощущение запомнилось».

В 1950 г. он был избран секретарем Правления Союза писателей СССР и работал на этом посту до 1954 г.

«Возвращение» Теркина

В 1954 г. Твардовского отстранили от руководства «Новым миром». Поводом для этого стала его новая поэма «Теркин на том свете». Сам факт «умерщвления» народного героя Василия Теркина и его путешествия по загробному миру оценивался как кощунственный и издевательский. Партийные функционеры посчитали, что в своей поэме автор насмехается над советской действительностью. Поэт писал в автобиографии: «Она [поэма «Теркин на том свете»], конечно, не является продолжением “Василия Теркина” в смысле многочисленных читательских предложений на этот счет, по поводу которых я давал объяснения в “Ответе читателям”, хотя и связана с “Книгой про бойца” непосредственно взятым из нее образом героя. Она возникла из иного, главным образом сатирического, задания и обращена к некоторым сторонам послевоенной действительности в том духе, как их оценивали XX и XXII съезды нашей партии».

И вот какая оценка была дана и поэме, и деятельности Твардовского и его единомышленников в Постановлении ЦК КПСС от 23 июля 1954 г. с характерным заголовком — «Об ошибках редакции журнала “Новый мир”»:

«ЦК КПСС отмечает, что редколлегия журнала “Новый мир” допустила в своей работе серьезные политические ошибки, выразившиеся в опубликовании ряда статей, содержащих неправильные и вредные тенденции (статьи В. Померанцева, М. Лифшица, Ф. Абрамова, М. Щеглова). Редактор журнала т. Твардовский и его заместители т. Дементьев и т. Смирнов готовили к опубликованию поэму А. Твардовского “Теркин на том свете”, в которой содержатся клеветнические выпады против советского общества. Все эти факты свидетельствуют о том, что в журнале “Новый мир” наметилась линия, противоречащая указаниям партии в области литературы. <...> ЦК КПСС постановляет:

Осудить неправильную линию журнала “Новый мир” в вопросах литературы, а также идейно-порочную и политически вредную поэму А. Твардовского “Теркин на том свете”. Освободить т. Твардовского А. Т. от обязанностей главного редактора журнала “Новый мир” и утвердить главным редактором этого журнала т. Симонова К. М.».

Таким образом, поэма, уже сверстанная для публикации в «Новом мире», была запрещена. Однако в начале 1961 г. Твардовский возобновил работу над новым ее вариантом, и этот факт зафиксировал в своих тетрадях 18 февраля: «Продолжаю перебеливать “Теркина на том свете”, как он стал уже было складываться в последний мой приступ к нему в 1959 г. Покамест идет хорошо. Очень доволен, в сущности, видя нынешний его вариант в перспективе, что старый вариант с его несовершенствами (чисто художественными) не увидел света. Одна беда, что тогдашнее его запрещение может помешать и новому варианту явиться на свет божий, но тут уж — будь что будет».

В 1963 г. обстановка складывалась так, что публикация поэмы Твардовскому представлялась невысказанной: в декабре 1962 г., во второй срок редакторства в «Новом мире», он рискнул напечатать повесть А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» (об этом в другой главе напишем чуть подробнее).

И все-таки поэма увидела свет в том же 1963-м, после прочтения ее Н. С. Хрущеву: 17 августа ее печатают в московском вечернем выпуске «Известий», а 18 августа — в основном, 5-миллионном, тираже газеты. Причем предисловие написал сам главный редактор — А. Аджубей, зять Н. С. Хрущева. В издательстве «Советский писатель» она выпущена тиражом 150 тысяч экземпляров. Впрочем, эта книжечка так и осталась единственным прижизненным отдельным изданием поэмы. Вот она в руках: маленькая — карманного формата, в мягкой обложке, с иллюстрациями фронтального друга поэта — Ореста Верейского, без предисловий и послесловий, ценой в 11 тогдашних копеек, а теперь — бесценная, — недавний дар одного из читателей, берегшего «опальную» буквально полвека... Представляете, каково было увидеть ее теперь, зная, через какие «тернии» «возвращался» Теркин «с того света»? Без трепета в руки не возьмешь...

Чего так боялись те, кто «стопорил» выход поэмы на «этот свет»? Не иначе как «правды сущей», бьющей в цель. И яркой, острой сатиры — поскольку поэма представляет собой смелую сатирическую энциклопедию советской жизни. Главная ее мишень — бюрократизм и чиновное бездушие.

«Возвращению» был поставлен «заслон»: Теркина на этом свете не ждали...

Дали дальние и ближние

В своей рабочей тетради 3 января 1961 г. поэт писал, подводя итоги предыдущего года: «...трудный, серьезный, бесповоротный год — позади. Уже мне полагается говорить 51. Все на счету, как еще не было, — на строгом, безжалостном счету. За год после “Далей” — почти ни строки, если не считать пустяков и “гимнических” усилий. Угроза затухания потенциала даже в отношении прозы. Тяготы с журналом, все более бесперспективные». У поэта были основания считать прошедший 1960 г. сложным, особенно после публикации в «Правде» главы о Сталине «Так это было» из поэмы «За далью — даль», вызвавшей многочисленные разноречивые отклики.

«Гимническими» усилиями поэт назвал свою работу над текстом нового Гимна СССР взамен прежнего, славившего И. В. Сталина. К этой работе Твардовский был привлечен еще в 1959 г. вместе с М. В. Исаковским, С. М. Смирновым, Н. М. Грибачевым и П. У. Бровкой. В феврале 1961 г. в Москве состоялась встреча всех ответственных за Гимн поэтов. Однако она ничего, «кроме неприятного чувства, не принесла».

В мае 1961 г. за поэму «За далью — даль» А. Т. Твардовскому была присуждена Ленинская премия.

На церемонии в Кремле поэт сказал: «Я не могу не сделать одного признания. Я переживаю, как ни странно, чувство некоторой неловкости. Получаешь награду за то, что ты не можешь не делать, что приносит тебе муки, но и счастье...» Он передал Ленинскую премию на строительство клуба в своих родных местах на Смоленщине.

Первые главы поэмы были опубликованы в 1953 г., завершена публикация в 1960, благодаря поддержке Н. С. Хрущева. Автора волнуют острые проблемы современности, он стремится понять их причины. Поэма — не просто «путевые заметки в стихотворной форме». Это и лирика, и философия, и высокая публицистика в едином «сплаве». И пусть критики упрекали автора в «неровности» и «пестроты», эти черты произведения объяснялись, скорее, «переломным характером самого времени, долгим и тягостным процессом освобождения поэта от былых иллюзий» (А. М. Турков).

По складу своего характера Твардовский не мог оставаться в стороне от жизни. Он был депутатом Верховного Совета РСФСР нескольких созывов. Еще 22 февраля 1947 г. в «Литературной газете», в статье «Главное чувство», он писал об ответственности депутата-писателя перед народом. Ему довелось немало ездить по стране, в «дали дальние и ближние», встречаться со множеством людей. Особенно тревожило поэта состояние российской глубинки — бывая на родной Смоленщине, он видел, как приходит в упадок русская деревня.

В 1959 г. поэт снова был избран секретарем Правления Союза писателей СССР и оставался на этом посту до 1971 г. 7 июля 1961 г. Твардовский выступил на Всероссийском съезде учителей. Его речь о ключевом

значении литературы в процессе воспитания и критика формального подхода к ее преподаванию — «школа отучает и отлучает от литературы» — вызвала широкий резонанс. Остро чувствующий современность, он отстаивает ценность русской классической литературы, выступает со «Словом о Пушкине» в Большом театре на торжественном заседании 10 февраля 1962 г. В июне того же года выезжает на декаду русской поэзии в Тбилиси.

Твардовский участвует и в международных литературных форумах: в октябре 1957 г. он едет в Италию на конференцию «Поэзия нашего времени», в марте 1962 г. — снова в Италию, во Флоренцию, на конгресс Европейского сообщества писателей, посвященный взаимодействию мировой литературы и средств информации: кино, радио, телевидения (В.А. Твардовская). В 1963 г. он избирается вице-президентом Европейского сообщества писателей.

Либеральное движение, связывавшее будущее страны с развитием демократических начал, видело в Твардовском знаковую фигуру, и это было связано в первую очередь с его деятельностью на посту редактора «Нового мира».

Редакторской стезей

Твардовского вернули к руководству «Новым миром» в 1958 г., решением Секретариата Правления Союза писателей СССР, принятым на заседании 19 июня.

Постепенно формировалась редакционная команда. Вернулся в журнал А. Г. Дементьев, оставив пост главного редактора нового журнала «Вопросы литературы» (в «Новом мире» он опять был заместителем Твардовского), пришел А. И. Кондратович, работавший в журнале «Москва», другие литераторы, критики, публицисты.

«Новый мир» во главе с Твардовским стал уникальным явлением. Благодаря журналу читатель узнал новые имена ярких, талантливых писателей. Редактор смело отстаивал произведения А. Бека, М. Булгакова, В. Быкова, Г. Троепольского, В. Астафьева, В. Войновича, В. Дудинцева, Б. Можая, В. Некрасова, Ю. Домбровского, А. Яшина, мемуары В. Каверина, К. Симонова, И. Эренбурга, генерала А. Горбатова, стихи А. Ахматовой, Е. Евтушенко, Д. Самойлова, статьи сотрудников «Нового мира» — Ю. Буртина, И. Виноградова, А. Дементьева, Е. Дороша, А. Кондратовича, В. Лакшина, А. Марьямова, в том числе

и свои. Ему приходилось «воевать» с редакторами Главлита, заведующими отделами, секретарями ЦК и даже с полным составом Секретариата. Это нередко стоило невероятных усилий, и всегда редактор принимал удар на себя. Его принципиальность и неуступчивость раздражали «распорядителей жизни с верхних этажей политической и литературной власти» (И. Дедков), и в Секретариат ЦК поступали докладные цензуры и идеологических отделов ЦК КПСС с требованием «принять соответствующие меры» против руководства «Нового мира».

В октябре 1961 г. поэт участвовал в работе XXII съезда КПСС. В своем программном выступлении он изложил идейно-эстетические принципы, которым следовал сам как писатель и как редактор.

«Сильнейшее впечатление последних дней — рукопись А. Рязанского... с которым встречаюсь сегодня, — записал А. Т. Твардовский в дневнике 12 декабря. — И оно тоже обращает меня к “Теркину на том свете”». Это был рассказ «Щ-854. (Один день одного зэка)» А. И. Солженицына.

Твардовский решил публиковать его в «Новом мире», но, понимая что одной его воли для этого недостаточно, обратился с письмом к Первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву: «Я не счел бы возможным посягать на Ваше время по частному литературному делу, если бы не этот поистине исключительный случай. Речь идет о поразительно талантливой повести А. Солженицына “Один день Ивана Денисовича”. Имя этого автора до сих пор никому не было известно, но завтра может стать одним из замечательных имен нашей литературы. <...> Но в силу необычности материала, освещаемого в повести, я испытываю

настоятельную потребность в Вашем совете и одобрении» (6 августа 1962 г.). 20 октября Н.С. Хрущев принял Твардовского и во время беседы подтвердил, что «Один день Ивана Денисовича» надо публиковать: «...вещь жизнеутверждающая и написана, я считаю, с партийных позиций».

После публикации рассказа в «Новом мире» (1962, № 11) под предложенным Твардовским заголовком «Один день Ивана Денисовича» имя автора стало широко известным не только в СССР: в 1970 г. Солженицыну будет присуждена Нобелевская премия в области литературы.

(Кстати, Солженицын и Твардовский шли примерно одними дорогами войны, которые и того и другого в 1945 г. привели в Восточную Пруссию. Капитан Солженицын — командир батареи звукоразведки — воевал на 2-м Белорусском фронте. В районе города Толькемит — ныне Толькмицко, Польша — его арестовали, после того как соответствующие службы проверили его переписку. Особым совещанием НКВД он был приговорен к восьми годам лагерей.)

В первой половине 60-х «Новый мир» оставался чуть ли не единственным изданием, в котором регулярно печатались произведения современной зарубежной литературы, — в частности, таких авторов, как Генрих Белль, Жан Поль Сартр, Джером Дэвид Сэлинджер, Ирвин Шоу, Джон Чивер, Роберт Пенн Уоррен, Трумен Капоте, Натали Саррот. Только в 1962 г. здесь были опубликованы произведения Анны Зегерс, Хуана Гойтисоло, Эрнеста Хемингуэя, Антуана де Сент-Экзюпери, Роберта Фроста.

Однако более всего Твардовского тревожила судьба отечественной литературы. Этой тревогой пронизано

стихотворение «Слово о словах» («Новый мир», 1962, № 5). В нем поэт выражает свое понимание истинной ценности и действенности слова.

Встреча партийного руководства страны с творческой интеллигенцией, состоявшаяся 7–9 марта 1963 г., тревогу только усилила. Н. С. Хрущев и руководитель Идеологической комиссии ЦК Л. Ф. Ильичев говорили об «обострении идейной борьбы» и «невозможности мирного сосуществования идеологий социалистической и буржуазной». И такие события в сфере искусства, как постановка Г. А. Товстоноговым комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», мемуары И. Г. Эренбурга, путевые очерки В. П. Некрасова, опубликованные в «Новом мире», подверглись «разносу». Косвенно Н. С. Хрущев «зацепил» и журнал Твардовского. О переживаниях поэта в то время свидетельствует лаконичная и впечатляющая запись в «Новомирском дневнике» от 22 марта 1963 г.: «...Еще никогда, пожалуй, не было так трудно, однако и ясно на душе: дело плохо, но что же делать».

На IV пленуме Правления Союза писателей, проходившем в Кремле 26–28 марта, последовали откровенные выпады в адрес «Нового мира» и его редактора. Публикации И. Эренбурга, В. Некрасова, А. Солженицына «Новому миру» вменялись в вину, и делался вывод: «Очевидно, не все у нас обстоит благополучно с партийным руководством в журналах...» Цензура блокировала выпуск 4-го номера «Нового мира», не допуская к печати целый ряд материалов, и в первую очередь антитоталитарный роман-притчу «Чума» нобелевского лауреата А. Камю. Номер был подписан к печати спустя три месяца, и без романа А. Камю, рассказа Е. Ржевской «Второй эшелон», воспоминаний

Е. Габриловича. Но это были еще не самые сложные времена в истории «Нового мира»...

Несмотря на нападки, обостренное чувство справедливости побуждало поэта вступаться за опальные таланты.

Когда началась травля Иосифа Бродского, обвиненного в тунеядстве, судьба молодого поэта взволновала Твардовского. Вспоминая начало своего пути в поэзии, он писал в рабочей тетради: «...в молодости я длительный срок был таким “тунеядцем”, т. е. нигде не работал, мало, очень мало и случайно зарабатывал, мучился тем, что “я не член союза” (профсоюза), и завидовал сверстникам (...) — членам союза и получавшим зарплату». Однако это неустройство обернулось для него впоследствии другой стороной: «...я тянул и тянул эту стыдную и мучительную жизнь, как-то угадывая, что служба, работа в штате (ее, кстати, невозможно было получить) может подрубить все мои мечтания, и, в конце концов, выходит, что я был прав, идя на этот риск. А как я бросил с третьего курса Смол<енский> пединститут и за год “вольной жизни” написал “Страну Муравию”. Я никогда бы этого не сделал, не рискнув так решительно (много раз мне казалось, что ничего не выходит, бросить бы к черту, но бросать уже было нельзя, и так я дописал и “перешел в новое качество”». Твардовский был возмущен арестом Бродского, из-за чего между ним и А. Прокофьевым, возглавлявшим писательскую организацию Ленинграда, произошел конфликт. В сентябре 1964 г. Твардовский написал в защиту Бродского письмо. (А в 1966 г. он откажется подписать письмо Секретариата Правления Союза писателей, одобряющее приговор писателям А. Синявскому

и Ю. Даниэлю, которые обвинялись в антисоветской деятельности.)

Редактор «Нового мира» шел своей дорогой. В 1-м номере за 1965 г., в статье «По случаю юбилея», приуроченной к 40-летию со дня основания журнала, Твардовский подчеркивал: «Читатель остро нуждается в полноте правды о жизни. Ему претит уклончивость и непрямота художника... Задача литературы не в том, чтобы сопровождать, иллюстрировать “средствами художественного изображения” уже принятые решения, “оформлять” готовые общеизвестные положения. Настоящую помощь партии и народу писатель оказывает тогда, когда честно и смело изучает глубинные явления жизни, изображает нечто важное, новое, о чем, может быть, еще и речи не было в ежедневной печати, в каких-либо документах и узаконениях». Он старался помещать в журнале «дельную прозу» и публицистику — остро социальную, правдивую и художественно значимую. В книге о Твардовском (2010) А. М. Турков писал: «Редкий номер журнала не содержал острого, без оглядки на чины и лица, аргументированного, неопровержимого разбора произведений художественно несостоятельных или (и) реакционной направленности, продолжавших в прежнем духе приукрашивать реальную действительность, фальсифицировать прошлое... Тут можно назвать многие статьи и рецензии — Г. Березкина, А. Берзер, Ю. Буртина, Г. Владимова, М. Злобиной и др.».

Редакторская стезя сводит Твардовского с самыми разными людьми. Так, 22 марта 1966 г. состоялась его первая встреча с правозащитником Петром Григорьевичем Григоренко, бывшим генерал-майором. В свое время Григоренко преподавал в Военной ака-

демии им. М. В. Фрунзе, стал автором более 80 работ по военной истории, теории и кибернетике, подготовил докторскую диссертацию, но защита не состоялась, так как его уволили из Академии по политическим мотивам после выступления на партийной конференции Ленинского района Москвы с требованиями демократизации внутрипартийной жизни, а затем отправили в Уссурийск с понижением в должности. Он создал подпольный «Союз борьбы за возрождение ленинизма», который выпускал и распространял листовки с критикой советской бюрократии, карательной политики государства по отношению к рабочим. В 1964 г. Григоренко был арестован, обвинен в «антисоветской агитации и пропаганде», исключен из партии, лишен наград и пенсии, направлен на судебно-психиатрическую экспертизу в Институт общей и судебной психиатрии им. Сербского, а потом и на принудительное лечение в Ленинградскую специальную психиатрическую больницу. Он был разжалован в рядовые. После отставки Н. С. Хрущева его освободили, но не восстановили в звании, и Григоренко работал то грузчиком в овощном магазине, то сторожем, то экскурсоводом.

В рабочей тетради поэта есть записи о встречах с Григоренко: «Зашел ко мне как-то человек (сидел в коридоре, я проходя спросил — не ко мне ли?), с первых слов показавший, что не всегда угадаешь при всем опыте и глазомере — что за человек и с чем пришел... <...> Заходит второй раз: хочу обратиться к XXIII съезду... — “Это дело вашей совести и ваше право, но...” Что я ему говорил — не важно, мне было жаль его, ясно было, что он уже вне материальных понятий о том, что можно и чего нельзя. Усмехнулся,

ушел, на другой день передали письмо: называет меня трусом, шкурспасателем, с горечью разочарования во мне как в писателе и человеке, и обещает “довести до делегатов” свое письмо».

Позже, уже в 1975 г., в письме А. И. Солженицыну Григоренко пересмотрел свое мнение о Твардовском: «Прошло время, и я понял, как ужасающе неправ был я. Не за себя он испугался. Я навлек угрозу на журнал... Интересы журнала для него были выше моих, да, вероятно, и Ваших... Он, жертвуя собой и своим талантом, отыскивал и выводил на большую дорогу Русской литературы новые прогрессивные силы <...> он стремился не столько себя выразить, как это делает большинство даже больших писателей, сколько время наше всеми силами прогрессивных писателей».

Больше они не встречались. Дальнейшая судьба П. Г. Григоренко сложилась весьма драматично. 7 мая 1969 г., во время поездки в Ташкент на процесс крымских татар, он был арестован и до октября находился в СИЗО КГБ Узбекистана. Определением суда от 25 мая 1970 г. П. Г. Григоренко был направлен на принудительное лечение в Черняховскую психиатрическую больницу с диагнозом «психическое заболевание в форме патологического (паранойяльного) развития личности с наличием идей реформаторства» и 28 мая этапирован в Черняховск. Здесь провел на «излечении» 40 месяцев, продолжая работать, — конспектировал классиков марксизма-ленинизма, писал статьи. (Больница размещалась в бывшей тюрьме Инстербурга, построенной в 1838 г. по проекту немецкого архитектора К. Ф. Шинкеля, причем в Европе это была первая тюрьма пенсильванского типа. Так случилось, что Григоренко попал теперь

в город, где за четверть века до того бывал и сам Твардовский, и тоже оказался связанным с нашим краем как «территориально», так и творчеством: в 1973 г. на Западе вышел сборник публицистики «Мысли сумасшедшего», где были опубликованы и его тюремные дневники, и вскоре по дневникам в Англии сняли фильм.) В 1973 г. Григоренко перевели в 5-ю московскую городскую психиатрическую больницу («Столбы»), в 1974 г., под давлением международной кампании протестов, освободили. Он вскоре возобновил правозащитную деятельность, а в мае 1976 г. стал членом-основателем Московской Хельсинкской Группы...

«Новый мир» был силен коллективом единомышленников. Но в декабре 1966 г., вопреки воле редактора, из состава редколлегии были выведены заместитель главного редактора А.Г. Дементьев и ответственный секретарь Б.Г. Закс.

Изгнание

Наиболее драматичными в истории «Нового мира» Твардовского были 1967–1970 гг., когда партийной олигархией делалось все, чтобы журнал изменил свой характер. Объемное представление о событиях того времени дают два «Новомирских дневника»: один вел сам А. Т. Твардовский, с 1961 г. по 1970 (увидел свет только в 2009 г.), другой — «новомирец» А. И. Кондратович, с 1967 г. по 1970 (издан в «перестроечном» 1991-м).

Мы же напомним читателю только о некоторых фактах.

В 1967 г. давление на «Новый мир» и его редактора усилилось. В газете «Правда» за 27 января, в редакционной статье «Когда отстают от времени», журнал был подвергнут резкой критике за «зыбкость идейных позиций». «Отмечалось, что редакция “Нового мира” на первый план выдвигает “персонажей, обиженных судьбой, людей с ущербной психологией и моралью, общественно пассивных”» (В. Савченков).

В январе Твардовский обратился с письмом к К. А. Федину, председателю Правления СП СССР, а в июне Секретариат ЦК КПСС поставил вопрос о руководстве журнала «Новый мир» перед Секрета-

риатом Правления Союза писателей СССР. Твардовского предполагалось сместить с поста главного редактора. Сам Твардовский видел своим преемником только В. Я. Лакшина, но с этим были категорически несогласны «наверху», предлагая в редакторы свою кандидатуру. Чехословацкий кризис помешал осуществить эти планы.

В августе опальный Твардовский отказывается подписывать проект коллективного письма, одобряющего вторжение в Чехословакию войск пяти стран Варшавского договора — СССР, НРБ, ВНР, ГДР и ПНР. Его примеру последовали еще несколько писателей. На эти события поэт откликнулся строками:

Что делать мне с тобой, моя присяга,
Где взять слова, чтоб рассказать о том,
Как в сорок пятом нас встречала Прага
И как встречала в шестьдесят восьмом?..

На предложение перейти в Секретариат СП на штатную должность с гарантированным окладом Твардовский ответил отказом. В марте 1969 г. он отверг и предложение «освежить» журнал, т. е. ввести в состав редколлегии рекомендованные ЦК кандидатуры. В мае строптивый редактор получил еще одно предложение — покинуть журнал. А вслед за этим в издательстве «Художественная литература» отменили печать 5-го тома Собрания сочинений А. Т. Твардовского из-за несогласия автора с внесенными поправками, в Ярославле был уничтожен тираж «Ученых записок» со статьей о поэме «Теркин на том свете». Подписка на «крамольный» журнал была запрещена в армии и в учебных заведениях.

В июле в журнале «Огонек» появилось печально известное письмо одиннадцати литераторов «Против чего выступает “Новый мир”?». В нем говорилось, что «Новый мир» «давно уже утратил представление о своем истинном месте в борьбе с чуждой идеологией», что в этом журнале «планмерно и целеустремленно культивируется тенденция скептического отношения к социально-моральным ценностям советского общества, к его идеям и завоеваниям» и проповедуются «космополитические идеи». В газете «Социалистическая индустрия» 31 июля была опубликована разгромная статья «Открытое письмо главному редактору журнала “Новый мир” тов. Твардовскому А. Г.» за подписью Героя Социалистического Труда, токаря М. Захарова из Подольска, а 9 августа выдвинуто ультимативное требование призвать к ответу редактора «Нового мира» «перед рабочим классом». «Организованы» подобного рода «письма трудящихся» и в некоторых других изданиях. Однако реакция читателей была иной, нежели ожидалось. «Каждая из публикаций против “Нового мира” вызывала новую волну писем в его защиту, — пишет В. А. Твардовская в статье «А. Г. Дементьев против “Молодой гвардии”». — Письма шли в редакции газет, выступавших в поддержку «Огонька», копии, как правило, отправляли в “Новый мир”. <...> По приблизительному подсчету новомирцев, всего в августе-сентябре 1969 года их было около 1500».

Свое несогласие с позицией «одиннадцати» выразил К. М. Симонов в письме в поддержку «Нового мира», которое подписали также К. И. Чуковский, М. В. Исаковский, С. С. Смирнов, А. А. Сурков, В. Ф. Тендряков, С. П. Антонов... Г. Я. Бакланов, Ю. В. Трифонов и дру-

гие писатели отправили протест против травли «Нового мира» в Секретариат Союза писателей СССР (В. Савченков).

По сути, статья А. Г. Дементьева явилась лишь поводом для того, чтобы нанести удар по «Новому миру» Твардовского. И хотя дискредитировать журнал и его редколлегию в глазах читателей не удалось, «безнадежность положения» была вполне реальной...»

В 1969 г. Твардовский завершил поэму «По праву памяти», над которой работал несколько лет. Но Главлит не допустил ее к печати в июньском номере «Нового мира». Твардовский коснулся болезненных точек истории и современности, рассказав правду о судьбах миллионов репрессированных сталинским режимом и их родных, о цене сталинского утверждения «Сын за отца не отвечает». И это в то время, когда в постановлениях, речах и статьях сходили на нет упоминания о «культе личности», терроре, лагерях. В поэме не могли не отразиться личные переживания автора, связанные с судьбой его родителей, братьев и сестер.

24 ноября председатель Комитета госбезопасности Ю. Андропов сообщил в ЦК КПСС, что «среди творческой интеллигенции получил неофициальное распространение полный текст поэмы А. Твардовского “По праву памяти”». В конце 1969 г. в газете «Зюддойче цайтунг» (ФРГ), журналах «Фигаро» (Франция), «Эспрессо» (Италия) и в «Посеве» эта поэма была опубликована под новым заголовком — «Над прахом Сталина». После этого в СССР она была запрещена цензурой. (Только ее первая глава, «Перед отлетом», увидела свет, но и она публиковалась как отдельное стихотворение.)

В феврале 1970 г. Твардовский направил письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Ильичу Брежневу, в котором сообщал, что уже обращался к Первому секретарю Союза писателей К.А. Федину с просьбой поставить вопрос о поэме на Секретариате и обсудить ее «по примеру того, как были обсуждены заключительные главы... книги “За далью — даль”, в свое время также задержанные цензурой». Но поэма тогда не была обсуждена, и вопрос о ней оставался открытым вплоть до поры, когда появились заграничные ее публикации. Твардовский готов был выразить протест «против опубликования в зарубежной печати выкраденного и изуродованного» произведения, но считал, «что наиболее действенной формой отповеди было бы опубликование (после соответствующего обсуждения)» поэмы «в подлинном ее виде». Когда 3 февраля Секретариат Союза писателей заслушал сообщение К.А. Федина о письме Твардовского и беседе с ним, то в постановлении по этому вопросу вынес неожиданное решение: «назначить первым заместителем главного редактора журнала “Новый мир” тов. Большова, и комиссии... в трехдневный срок переформировать редколлегия журнала». Твардовский опротестовал перед ЦК КПСС и Секретариатом Союза писателей это решение, принятое без согласования с ним и в его отсутствие, как беспрецедентное ущемление прав главного редактора, носящее оскорбительный характер. Но уже через день его поставили в известность «о представлении к убытию пяти рабочих членов редколлегии журнала», в том числе обоих заместителей, и о введении вместо них новых, также без согласия редактора. «Таким образом, — писал поэт Брежневу, — вопрос о моей поэме

повлек за собой оргвыводы, означающие по существу прямое понуждение меня к отставке и фактический разгром редактируемого мною журнала. <...> Это мое обращение к Вам вызвано необходимостью, не терпящей отлагательств. Если бы Вы сочли возможным принять меня, я бы, наверное, смог коснуться вопросов о поэме, о “Новом мире” вообще и о положении в литературе с гораздо большей обстоятельностью и доказательностью».

Брежнев Твардовского не принял. Письмо в защиту «Нового мира» и Твардовского на имя генсека написали 14 писателей (в их числе М. Алигер, А. Вознесенский, А. Бек, Е. Евтушенко, М. Исаковский, В. Каверин, Ю. Нагибин, А. Рыбаков, В. Тендряков, Ю. Трифонов и другие). Однако это не помогло.

В годы войны, в письме Марии Илларионовне (15 июля 1942), говоря об успехе «современных Кукольников», Твардовский замечал: «Чаще всего вспоминаю слова Блока: “У поэта должна быть судьба, а не карьера”. Чем более по-серьезному думаешь о своей работе, о ее сладости для себя и правомочности в общем смысле, тем яснее и яснее чувствуешь, что это не имеет ничего общего со сладостью земного, а тем более официального успеха... Пропорция обратная...»

Выражаясь словами Блока, Твардовский карьере предпочел судьбу.

12 февраля он подал заявление об уходе с поста главного редактора, но сформулировал его как протест против фактического разгрома редколлегии. Через две недели отставка была принята окончательно. 2 марта Твардовский покинул журнал, которому отдал почти 16 лет. Таким образом он был удален — по сути, изгнан — из «Нового мира». Первый номер журнала

за 1970 г. был последним из вышедших за его подписью. В этом номере, отпечатанном уже после ухода главного редактора, под заголовком «Михаилу Васильевичу Исаковскому. (К его семидесятилетию)» была опубликована речь Твардовского, произнесенная в Концертном зале им. П.И. Чайковского 20 января 1970 г. на чествовании поэта по случаю его юбилея и присвоения ему звания Героя Социалистического Труда.

Но Твардовский продолжал бороться за справедливость. Вместе с Владимиром Тендряковым он помог генетику Жоресу Медведеву выйти из психиатрической больницы, куда ученый был насильно помещен за антилысенковские статьи и диссидентские взгляды.

В день своего 60-летия, 21 июня 1970 г., Указом Верховного Совета СССР Александр Трифонович Твардовский был награжден орденом Трудового Красного Знамени. На юбилей кавалера трех орденов Ленина, орденов Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, лауреата Ленинской и четырех Государственных премий в центральной прессе отклики помещались в урезанном виде. «От торжественного вечера в Центральном доме литераторов Твардовский отказался, а устроил обед для десяти человек — сотрудников журнала — в ресторане “Прага”, — писал В.Я. Лакшин. — ... Как это мало напоминало шумный, весёлый, многолюдный праздник — пятидесятилетний юбилей, отмечавшийся в тех же стенах за длинными столами десятью годами прежде!»

22 сентября 1970 г. у Твардовского случился инсульт. В октябре врачи обнаружили и запущенный рак легких.

«Наверху» встревожились. Марии Илларионовне звонил референт Брежнева, говорил, что «отдано распоряжение сделать все возможное, — предоставить любых врачей и лекарства». А в ноябре 1971 г. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР А. Т. Твардовскому была присуждена Государственная премия за сборник «Из лирики этих лет. 1959–1967», вышедший еще за четыре года до этого.

Через газету «Известия» поэт поблагодарил «всех друзей-читателей, знакомых и незнакомых», поздравивших его с наградой.

18 декабря Александр Трифонович Твардовский умер в подмосковном дачном поселке Красная Пахра. 21 декабря он был похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище...

Изрядная часть сил и времени у Твардовского уходила на руководство журналом. Над своими произведениями ему приходилось работать урывками. И, по свидетельству А. Кондратовича, он «писал с каждым годом все мучительнее и труднее». Однако плоды этого мучительного труда — лирические стихотворения, написанные им в 1960-е годы, — создают иное впечатление. Легкость (не легковесность — полетность), динамичность стиха, ясность ритмического рисунка, глубина постижения сути человеческого бытия, предельная лаконичность, тонкая ирония и самоирония — все это «поздний» Твардовский. «Разнотемные стихи складываются в некую лирическую летопись, запечатлевшую многие черты и перипетии современности — от признанно масштабных до относительно невеликих, а вернее — “преломившихся” в событиях и эпизодах вроде бы частного свойства. И для позднего Твардовского, пожалуй, особенно дороги

и принципиально важны стихи, где происходящие в истории события и переломы проявляют себя, “раскрывают” свои истинные итоги в конкретных человеческих судьбах», — так определяет А. М. Турков черты поэтического мира зрелого мастера. Лиризм и афористичность в равной мере присущи его стихотворениям 1968–1970 гг.: «В чем хочешь человечество вини...», «К обидам горьким собственной персоны...», «Время, скорое на расправу...», «Когда обычный праздничный привет...», «Не заслоняй святую боль...», «Всему свой ряд, и лад, и срок...», «Час мой утренний, час контрольный...»

В одном из последних стихотворений, написанном на шестидесятом году, поэт словно подводил жизненные итоги и делился своим пониманием сущего с теми, кому еще предстоит долгая дорога:

Что нужно, чтобы жить с умом?
Понять свою планиду:
Найти себя в себе самом
И не терять из виду.

И, труд свой пристально любя, —
Он всех основ основа, —
Сурово спрашивать с себя,
С других не столь сурово.

Хоть про сейчас, хоть про запас,
Но делать так работу,
Чтоб жить да жить,
Но каждый час
Готовым быть к отлету.

И не терзаться — ах да ох, —
Что, близкий или дальний, —
Он все равно тебя врасплох
Застигнет, час летальный.

Аминь! Спокойно ставь печать,
Той вопреки оглядке:
Уж если в ней одной печаль, —
Так, значит, все в порядке.

Пути Памяти

Главные пути к сердечной памяти человека, если речь идет о писателе, — книги. И те, что давно известны читателям разных поколений и переиздавались неоднократно. И те, что впервые увидели свет в последние годы. Это, прежде всего, дневники и рабочие тетради А. Т. Твардовского, знакомство с которыми помогает понять истинный масштаб его личности и деятельности. После ухода из жизни жены поэта, Марии Илларионовны Твардовской, работу над публикацией его произведений, дневников, писем продолжили дочери: доктор исторических наук, профессор Валентина Александровна Твардовская, автор более 80 научных работ по истории русской общественной мысли, и театральный художник, лауреат Государственной премии РФ Ольга Александровна Твардовская, оформлявшая спектакли в «Ленкоме», Малом и других театрах. В одном из интервью В. А. Твардовская говорила, что ныне для нее это самое важное, что вся ее предшествующая деятельность «была подготовкой к работе» над «главной книгой» отца — его «Дневниками».

Имя Твардовского живет на картах городов и сел нашей страны, — как минимум, в названиях улиц трех

десятков больших и малых населенных пунктов России, в том числе в Калининградской области (улица в Гвардейске и бульвар в Калининграде). И, как минимум, в трех городах нашего Отечества есть улицы Теркина.

В статье «Костер Твардовского» (1983) Алексей Кондратович сообщает, что имя поэта было дано даже одному из тьянь-шаньских семитысячников, — не без участия писателя Чингиза Айтматова, который с первой встречи воспринимал Твардовского как горный пик, недостижимо высокую вершину.

Имя его осталось и в названии корабля: к порту Санкт-Петербург приписан теплоход «Александр Твардовский» (всего судов с его именем было три).

Имя А. Т. Твардовского носит Смоленская областная универсальная библиотека — одна из старейших в России. Здесь ежегодно, начиная с 2005 г., при поддержке Департамента Смоленской области по культуре и туризму, в рамках Дней памяти А. Т. Твардовского проходят Твардовские чтения, постоянными участниками которых являются В. А. и О. А. Твардовские, А. М. Турков — автор ряда монографий и статей о творчестве Твардовского (первая его книга о поэте вышла в 1960 г.), смоленский ученый В. В. Ильин и другие исследователи.

В Москве имя поэта и гражданина Александра Трифоновича Твардовского в 1973 г. присвоено школе № 279, где с того же времени работает и музей поэта. С 1990 г. имя Твардовского носит средняя школа № 1 в г. Починке, в родной поэту Смоленской области.

Мемориальный музей-усадьба А. Т. Твардовского на его родине, в Починковском районе Смоленской области, был открыт 19 июня 1988 г., в канун дня

рождения поэта. Это крестьянское подворье Твардовских на хуторе Загорье, восстановление которого было начато в 1986 г. по рисунку и макету Ивана Трифоновича Твардовского (1914–2003) и по воспоминаниям его и Константина Трифоновича Твардовского (1908–2002). Вещи, которые могли быть в доме в 1920–1930-х годах, собраны сотрудниками Смоленского государственного музея-заповедника в экспедициях по окрестным селам.

Еще один мемориальный музей расположен в самом Смоленске, в доме № 4 на Запольном переулке, в одну из квартир которого поэт въехал с родителями, сестрами и племянниками после освобождения города. Он жил здесь с 27 сентября 1943 г. по март 1944-го, пока редакция газеты «Красноармейская правда» Западного фронта находилась неподалеку от Смоленска. Сюда к Твардовскому приезжали фронтовые друзья — художник Орест Верейский и писатель Евгений Воробьев. В ноябре 1990 г. эта квартира стала музеем. Помимо обстановки, бережно сохраненной сестрами Александра Трифоновича, в экспозиции музея-квартиры А. Т. Твардовского представлены разные издания его книг, фотографии, письма, а также рисунки О. Верейского. Здесь проводятся литературные встречи и вечера.

На Смоленщине, наверное, находится наибольшее число знаков памяти, связанных с именем Твардовского. Это мемориальные доски на доме № 4 по ул. Твардовского (о наименовании в честь поэта); на ул. Пржевальского — на здании Смоленского университета, ранее пединститута, где в 1932–1934 гг. учился Александр Твардовский; на доме № 12 на Большой Советской (Дом книги и Смоленская организа-

ция Союза писателей России), в честь трех поэтов-земляков — Твардовского, Исаковского и Рыленкова; в селе Рибшево Духовщинского района, где в начале 30-х годов Твардовский работал над поэмой «Страна Муравия»; на станции Починок (1978). Это памятный камень в мемориальной усадьбе Твардовского, бюст поэта в Починке, созданный Народным художником России, председателем Союза художников России Андреем Ковальчуком (2010). Наконец, предмет особой гордости смолян — уникальный памятник поэту и его герою, Василию Теркину, работы смоленского скульптора, Народного художника РСФСР А. Г. Сергеева (1995).

В Воронеже мемориальная доска открыта на здании музыкального училища (проспект Революции), где зимой 1941–1942 гг. в редакции фронтовой газеты «Красная Армия» работал Твардовский.

В Москве мемориальная доска (скульптор Т. И. Каленкова) установлена в 1983 г. на доме № 1/7 на Кутузовском проспекте, здесь поэт жил в 1950–1961 гг. И совсем недавно, 22 июня 2013 г., был открыт памятник великому поэту на Страстном бульваре, неподалеку от редакции журнала «Новый мир». Авторы монумента — Народный художник России В. А. Суровцев и Заслуженный архитектор России В. В. Пасенко. Оба мастера за семь лет до этого работали в Черняховске над памятником полководцу М. Б. Барклаю-де-Толли. В. А. Суровцев создал для нашего города еще и две бронзовых доски в память об исторических событиях. В 2008 г. ему было присвоено звание Почетного гражданина г. Черняховска. Над памятником Твардовскому Владимир Александрович трудился несколько лет, для него, в первую

очередь, было значимо мнение дочерей поэта, и скульптор доводил модель памятника, учитывая их замечания. Именно он помог нам связаться с Валентиной Александровной и Ольгой Александровной Твардовскими в 2010 г. Это был юбилейный год — год 100-летия со дня рождения Александра Трифоновича Твардовского. И дочери поэта предоставили нам для публикации полный текст его стихотворения о Черняховском. А к самому дню юбилея они прислали приветствие участникам Литературных чтений, проходивших в городе, где в мае 1945 г. он встретил Победу: «Сердечно приветствуем участников Чтений в Гвардейске, посвященных 100-летию со дня рождения Александра Твардовского. Здесь, в бывшей Восточной Пруссии, поэт, сотрудник газеты 3-го Белорусского фронта “Красноармейская правда”, писал завершающие главы “Василия Теркина”, здесь продолжал работу над поэмой “Дом у дороги”. Этим местам тогда еще чужой земли посвящен ряд очерков Твардовского. Нам дорого, что там, где пролегал путь поэта-фронтовика, есть люди, которые помнят и любят его, читают и изучают его поэзию. С признательностью Валентина и Ольга Твардовские».

В Гвардейске тогда собралась литературная общественность всей области, и гостеприимные хозяева подготовили замечательную юбилейную программу. Здесь была высказана идея проводить такие чтения ежегодно и дать им наименование Теркинских, а в их рамках организовать литературно-музыкальный конкурс. С тех пор Теркинские чтения проходят в этом городе при активной поддержке местного Совета депутатов (его до недавнего времени возглавлял

Валерий Горбань — воин-интернационалист и член Союза писателей России, главный организатор конкурса) и писательских организаций Калининградской области.

Каждое торжество начинается с возложения цветов у памятной доски на стене особнячка довоенной постройки (ул. Калининградская, 10). Ее текст гласит, что именно в этом доме в 1945 г. находилась редакция «Красноармейской правды», в которой служил Александр Твардовский... Эдуард Давыдович Лифшиц, редактор гвардейской газеты «Наша жизнь», занялся поиском здания, где останавливались сотрудники «Красноармейки», на рубеже 1980–1990-х годов. В конце концов, ему удалось связаться с художником Орестом Георгиевичем Верейским, который подробно описал здание и его местонахождение. На первом и втором его этажах были две квартиры. Твардовский жил наверху, в мезонине над вторым этажом... Дом с бетонным козырьком над ступеньками подъезда, небольшим палисадником перед входом и фруктовым садом с тыльной стороны, куда выходило большое окно, оказался цел...

Темой «Твардовский и Восточная Пруссия», примерно в одно время с Э.Д. Лифшицем, заинтересовался калининградский журналист Петр Петрович Казаченок, который о результатах своих поисков писал в газете «Страж Балтики», а затем в очерке «Наш земляк — “Василий Теркин”», вошедшем в его книгу «Голоса памяти».

Отрадно, что интерес к теме питают и юные исследователи, публикующие свои работы в областном краеведческом альманахе «Отечество» (главный редактор В.А. Миловский).

Декабрь 2012 г. был отмечен знаменательным фактом: состоялся телемост между Калининградом и Смоленском, в котором открылись VIII Международные Твардовские чтения. Это был первый телемост, связавший участников чтений в Смоленске с писателями — соорганизаторами Теркинских чтений в Калининградской области.

Среди участников Твардовских чтений в Смоленске на этот раз были и наши землячки — Екатерина Тикун, работник Калининградской областной научной библиотеки (заочное участие), и Анна Мичеева, руководитель музея г. Гвардейска при Детско-юношеском центре, автор посвященной А. Т. Твардовскому экспозиции и нескольких публикаций о поэте в газете «Наша жизнь». Поездка в Смоленск для Анны Михайловны стала ярким событием. А Валентина Александровна Твардовская в своем письме в Черняховск от 1 января 2013 г. отметила: «На очередных декабрьских Чтениях А. Твардовского в Смоленске... были интересные доклады исследователей из Гвардейска. Надеюсь, что их связи с Чтениями А. Т. <Твардовского> укрепятся».

В феврале 2013 г. Калининградское отделение Союза писателей России объявило о проведении нового областного литературного конкурса, «За далью — даль». Оглашение его итогов и награждение победителей состоялось 22 июня, в День памяти и скорби, в Черняховске, в выставочном зале Детской художественной школы им. Марии Тенишевой. Кстати, именно в этих стенах более десятка лет назад, 8 мая 2002 г., открылась, благодаря доброй помощи Калининградской художественной галереи, выставка графики О.Г. Верецкого, на которой

были представлены и работы из серии иллюстраций к поэме «Василий Теркин». (Это было совершенно особое чувство — увидеть не отпечатанные в типографии, а «живые» листы, к которым прикасалась рука того самого художника, в чьем присутствии рождались главы поэмы.) Церемония награждения призеров конкурса проходила в одно время с большим торжеством в Москве — открытием долгожданного памятника А. Т. Твардовскому.

Работники Черняховской библиотеки оформили в художественной школе выставку изданий Твардовского и о Твардовском из фондов централизованной библиотечной системы, личных библиотек участников Черняховского литературного объединения «Рассвет» и членов районного Общественного совета по сохранению историко-культурного наследия. Здесь были представлены и книги, переданные в дар библиотеке дочерьми великого поэта.

Литература и электронные ресурсы

Твардовский А. Т. Собрание сочинений: в 6 томах. — М.: Художественная литература, 1976–1983.

Твардовский А. Т. Избранные произведения: в 3 томах. — М.: Художественная литература, 1990.

Твардовский А. Т. Василий Теркин. Книга про бойца / под ред. А. М. Самсонова; ст. и прим. А. Л. Гришунина; худож. О. Г. Верейский. — М.: Наука, 1978. — (Серия «Литературные памятники»).

Твардовский А. Т. Запас огня, залог тепла... — М.: Молодая гвардия, 1983.

Твардовский А. Т. Новомировский дневник: в 2 томах. Том 1. 1961–1966. Том 2. 1967–1970. — Москва: ПРОЗАиК, 2009.

Твардовский А. Т. «Честно я тянул мой воз»: Стихи. Проза. Дневники. Письма. Документы. Голоса современников. — М.: Издательство «МИК», 2010.

Твардовский А. Т. «Я в свою ходил атаку...»: Дневники. Письма. 1941–1945. — М.: Вагриус, 2005.

Аркашев В. И. Дорогами Василия Теркина (страницы из фронтовой жизни А. Т. Твардовского). — Минск: Беларусь, 1985.

Василевский А. М. Дело всей жизни. Изд. 3-е. — М.: Политиздат, 1978.

Вася Теркин на фронте. (Фронтальная библиотечка газеты «На страже Родины»). — Л.-М.: Искусство, 1940.

Верейский О. Г. Встречи в пути: [очерки] / О. Г. Верейский. — М.: Искусство, 1988.

Воспоминания об А. Твардовском: сборник. Изд. 2-е / сост. М. И. Твардовская. — М.: Советский писатель, 1982.

Галицкий К. Н. В боях за Восточную Пруссию. — М.: Наука, 1970.

Готов Василий, Кириллов Юрий. Василий Теркин на этом свете // «Трибуна». 2010. 25 июня.

Громак В. Есть имена, и есть такие даты // Сельская жизнь. 2009. 18 июня.

Ермолаева Н. Л. А. Т. Твардовский в жизни и творчестве: учебное пособие для школ, гимназий, лицеев и колледжей. — М.: ЗАО «Русское слово — учебник», 2010.

Ерофеев И. В., Каштанова-Ерофеева Г. В. «Чуждый запах заграничный...» // Полнос + ТВ. 2009. № 8 (926). 6 февраля.

Захарченко В. Загадка Вислинского залива // ModernLib.Ru. URL: http://modernlib.ru/books/zaharchenko_vasilij/zagadka_vislinskogo_zaliva/read/

Казаченок П. П. Голоса памяти: [очерки] / П. П. Казаченок. — Калининград: Калининградская правда, 2005.

Каменский А. А. Орест Георгиевич Верейский. — М.: Советский художник, 1960.

Караетьян Е., Кравченко Ю. Фейерверк над Тапиау // Отечество: краеведческий альманах. 2006. № 4.

Каштанова-Ерофеева Г. В. «...И на руинах Тапиау закончил книгу про бойца» // Полнос + ТВ. 2010. № 42 (1058). 22 июня.

Каштанова-Ерофеева Г. В. Книги поэта. Книги о поэте // Полнос + ТВ. 2010. № 43 (1059). 25 июня.

Кондратович А. И. Александр Твардовский: поэзия и личность. — М.: Художественная литература, 1978.

Кондратович А. И. Новомирский дневник: 1967–1970. — М.: Советский писатель, 1991.

Костяшов Ю., Кретинин Г. Россияне в Восточной Пруссии: В 2-х ч. / Под ред. Ю. Костяшова. — Калининград: ФГУИПП «Янтар. Сказ», 2001.

Кравченко Ю., Сухинина В. Он в свою ходил атаку (К 100-летию А. Т. Твардовского) // Отечество: краеведческий альманах. 2010. № 8.

Кюнхен Ганс. Торжественное открытие железной дороги Кенигсберг — Эйдткунен / Пер. с нем. Л. В. Климовой // Полюс + ТВ. 2010. 8 июня.

Лакшин В. Я. «Новый мир» во времена Хрущева: дневник и попутное. 1953–1964. — М.: Книжная палата, 1991. — (Дневники. Мемуары. Свидетельства).

Лакшин В. Я. Твардовский в «Новом мире». — М., 1989.

Лифшиц Э. Продолжим поиск, друзья! // Знамя Ильича. 1990. № 74 (6311). 21 июня.

Мичеева Анна. Всенародно любимый поэт // Наша жизнь. 2010. 26 июня.

Охота Л. Василий Теркин в Черняховске // Полюс +ТВ. 2002. 15 мая.

Очерки истории Восточной Пруссии / Г. В. Кретинин, В. Н. Брюшкин, В. И. Гальцов и др. — Калининград: Янтарный сказ, 2002.

Савченков В. Травля. К 100-летию А. Т. Твардовского // Омское отделение Союза российских писателей. URL: <http://www.srpomsk.ru/244.html>

Твардовский без глянца: [сост., вступ. ст. П. Фокина]. — СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2010. — (Серия «Без глянца»).

Твардовский И. Т. Родина и чужбина. Книга жизни. — Смоленск: Посох, 1996.

Турков А. М. Александр Твардовский. — М.: Молодая гвардия, 2010. — (Жизнь замечательных людей: малая серия: сер. биогр.; вып. 6).

Чернов Юрий. Встречи, которые забыть нельзя... // Северная жемчужина. 2011. № 3 (17).

Шел солдат дорогою побед: Восточно-Прусская операция 1944–1945 гг. в худож. лит. — Калининград: Кн. изд-во, 1980.

Шмутинский М. А. Десант на косу Фрише Нерунг // Великая Отечественная война. Восточно-Прусская операция. URL: <http://mainsite.gako.name/kaliningradarchives/>

Barran, Fritz R. Atlas nördliches Ostpreußen: Königsberger Gebiet. — Leer: Rautenberg, 1993.

- <http://www.angrapa.info>
- <http://www.angrapa.ru/forum/ptopic219.html>
- <http://www.antology.igrunov.ru/authors/grigorenko>
- <http://www.bildarchiv-ostpreussen.de>
- <http://www.do.gendocs.ru/docs/index-353082.html?page=13>
- <http://www.epwr.ru/quotauthor/218/>
- <http://www.gako.name>
- <http://www.hrono.ru/biograf>
- <http://www.lib.rus.ec/b>
- <http://www.magazines.russ.ru/vestnik/2006/17/tv27-pr.html>
- <http://www.montenau.be>
- <http://www.montenauer.com>
- http://www.offtop.ru/castles/v9_393953_.php
- <http://www.proshkolu.ru/org/pochinok-1>
- <http://www.sch279sv.mskobr.ru>
- <http://www.smolensklib.ru>
- http://www.smolensk-museum.ru/catalog/muzey-kvartira_tvardovskogo
- <http://www.smolenskru.ru/Museums/tvardovskij.htm>
- <http://www.smolnews.ru/news>
- <http://www.sprsmolensk.ru/origins/aleksandr-trifonovich-tvardovskij>

**Игорь Васильевич Ерофеев,
Галина Владимировна Каштанова-Ерофеева**

**ДОРОГИ
АЛЕКСАНДРА ТВАРДОВСКОГО**

Лит. редактор Т. Г. Тетенькина
Верстка Н. Кустовой

Формат А5.
Гарнитура «Баскервиль».
Тираж 500 экз.

Издательство ООО «Аксиос».
236000, Калининград, ул. Марата, 1.
Тел. (4012)960351, e-mail: te@kanet.ru

Отпечатано в типографии «ООО Аксиос»

ISBN 978-5-91726-068-6